

Д. В. ЦВЕТАЕВ

**<Борьба с протестантским влиянием
в Московском государстве до Петра Великого>**

<Фрагменты>

**<ОТНОШЕНИЕ К ПРОТЕСТАНТАМ
В ДОПЕТРОВСКОЙ РОССИИ>**

Избрание Петра царем (1682 г.) застало иноземцев во всех значительных торгово-промышленных пунктах Московского государства. Явившись в качестве торговых людей, пленных и различного рода «знатцев», они жили теперь в Архангельске, Вологде, Нижнем Новгороде, Туле, Белгороде и т. п., и особенно скученно в северо-восточном подмосковном предместье, на правом берегу Яузы, куда отцом Петра были переведены все те из них, кто после междуцарствия поселился было в черте русской столицы.

<...> Состав жителей Немецкой слободы обуславливался, кроме соседства России с Ливонией и Швецией, политико-экономическими и религиозными интересами. Гигантские реформы, совершавшиеся на Западе в сферах научной, церковно-религиозной и общественной, почти волшебным образом будили полуспявшие народные силы и направляли их к оживленной деятельности, но уже не в направлении к древнему идолу — Риму, а от него. Передовыми борцами и провозвестниками новых идей были по преимуществу народы германские, которыми главным образом и совершена Реформация и с которыми слилось протестантство, подобно тому, как за народами романскими осталось католичество. Они сделались подвижнее и предприимчивее католиков. Последовавшие между тем кровавые войны, внутренние междоусобия, экономическое расстройство, неуверенность в завтрашнем дне очень часто побуждали их искать счастья

вне родины; по Германии бродили многочисленные толпы военных людей, искавших занятий и за выгодную плату готовых служить где и кому угодно. Когда разнесшийся по Западу слух о Московии и ее богатствах обратил там внимание на эту страну, и когда, вместе с тем, чрез нарочных агентов стали получаться приглашения к военным, художникам, мастерам, врачам и т. п. поступать на русскую службу, то, естественно, протестанты двинулись сюда в большем количестве, чем католики. Это движение имело характер сначала случайный, отрывочный, потом оно становится более непрерывным, как бы систематическим, и было бы еще дружнее, если бы не являлась здесь помехой недостаточная известность чужой страны, необеспеченность дальнего пути, слухи о постигавших там иноземцев бедствиях и трудность возвращения, так как было известно, что русское правительство обыкновенно употребляло все усилия, чтобы не выпустить назад тех, кто служил у него.

Новые пришельцы первоначально принимались без отличия от прежних. В сознании замкнутых москвитян все вообще христиане делились на «крестьян» (православных) и «латинян», весь Запад представлялся латинскою землей, всех, прибывших оттуда, москвичи безразлично называли «латинами» и «иноземцами»*. Скоро, однако, было подмечено вероисповедное и национальное отличие между пришельцами: уже современники Грозного протестантов начали называть «люторами», «немцами», католиков — «папешниками», «римлянами», «латинянами»**. Это различие послужило в пользу немцев-протестантов. В них усмотрена большая близость к тому идеалу, который наметило себе русское правительство относительно иностранца: иноземец должен удовлетворять практическим нуждам страны, не нанося ущерба ее существенным основам и традициям. Освободившемуся от татарского ига и быстро

* Полн. собр. рус. летоп. VI, 293.

** Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века: Библия для чтен. 1842. XXXV. Отд. II. С. 135; *Руцинский*. Религиозный быт Русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков. М., 1871. Впрочем, и после того многие смешивали католичество с лютеранством. Католичку Марину, например, называли «люторкою», про Лже-Дмитрия I говорили, что он обещался папе и Польскому королю «непоколебиму быть в люторской и в папешкой их вере» (Временник, 1853. XVI, II. С. 32; Чтен. в Общ. ист. и др. Рос. 1847. IX, 12, 18, 21).

росшему государству настояла нужда улучшить ратное дело, открыть руду, расширить торговлю, построить здания, более массивные и изящные, и т. д. Домашними средствами обойтись было невозможно, и потому требовалась посторонняя помощь. Но правительство наблюдало, чтобы посторонние люди не вредили русской вере, русским нравам и крепшему самодержавию. Принимая выходцев или нарочно посылая за ними, оно, насколько было в силах, постоянно следило за этим. Католичество было ближе к православию, но за то догматическая даль протестантов значительно укорачивалась общностью вражды к католикам, их большею предприимчивостью, практичностью и уживчивостью; с католичеством же у Москвы всегда соединялись тяжелые мысли и горькие исторические воспоминания.

<...> Победив количественно, протестанты получили преимущество пред католиками также и в свободе вероисповедания и общественного богослужения. Построить костел вместо того, который исстари был у ганзейских купцов в Новгороде и к концу XIV в., с упадком торговли, прекратил свое существование, московское правительство, несмотря на все старания католиков, не позволяло нигде. Как ни необходим был в сношениях с Баторием папский посол Антоний Поссевин, но на все его просьбы, чтобы венецианским купцам, папским послам и другим приезжающим с Запада лицам вольно было иметь с собою «римских попов» и строить в Российском государстве свои церкви, а также чтобы русское правительство «изгнало магистров люторских немецких», и в замен их, «держало правдивых священников веры римския», ответ получил далеко не выгодный: «Венетам и послам, — читаем в современном известии, — приезжать в Россию и отъезжать с римскими попами указал великий государь свободно, но церквам римским в Российском государстве быть, и того учинено не будет, а что до люторских магистров, то в Российском государстве всяких вер люди многие живут, и своим обыкновением, и к Русским людям не пристають, а хотя б кто и похотел пристати, и того тому чинить не попускают». Ответ и политика Грозного послужили прототипом политики всех последующих государей. За исключением эпохи самозванцев, когда католики, хозяйничая в Русском государстве, на мгновение оттерли было протестантов, русское правительство, не стесняя их в вере, никогда не позволяло иметь им ни костела, ни иезуитов, после же междуцарствия лишило их и священников, так что за удовлетво-

рением церковных потребностей они обращались к лютеранским пасторам.

<...> Перекрещиванием указывалось протестантам, как низко они стоят в религиозном отношении в сравнении с православными, кто не имеет истинного крещения, тот еще не христианин, не освященный. И ими постоянно чувствовалось требование духовного и светского правительства, чтоб они держались в стороне от русских, не «поганили» их своим общением. Пользуясь автономией в своей внутренней жизни, не стесняемые в отправлении своих религиозных обязанностей и в сношениях с своими единоверцами, к православным они должны были ограничиваться одними чисто мирскими отношениями, и то лишь по крайней необходимости. Говоря вообще, это был особый, крепко огороженный и огораживаемый мир.

<...> Водворившись в Москве, протестанты не удовольствовались тем делом, к выполнению которого были призваны. Их стремления шли далее — оказать свое влияние на религиозные верования московских людей и захватить в свои руки возможно более выгодных мест.

Представлять их исключительно космополитами, равнодушными к религиозной пропаганде, как думают некоторые из наших историков, и вообще иностранные писатели о России, было бы несогласно с действительностью. Тогда религиозные интересы чрезвычайно многосторонне охватывали жизнь вообще всех — и иноземцев, и русских, и недаром многие из протестантов даже потому только и приходили в Россию, чтобы спасти свои верования от преследовавшей их на родине католической партии: так дорожили они ими. С другой стороны, не чужда преувеличения и та мысль, что будто бы «протестанты расставили свои тайные пропагандические сети на всех путях, при каждом соприкосновении с православными»*. Подобный образ действий предполагал бы единство нарочно составленного плана и единство заправляющего центра, чего, между тем, не было. Происходя из различных местностей Европы и из различных национальностей, протестанты жили и действовали в разброску, стремясь к осуществлению своих личных материальных расчетов, а потом уже, когда представлялись благоприятные обстоятельства, и ин-

* Соколов. Отношение протестантизма к России в XVI и XVII вв. М., 1880. С. 242.

тересов религиозных. При столкновении с действительностью им, людям практического смысла, нетрудно было догадаться о бесполезности и опасности намеренной и систематической пропаганды, которая ничего не могла принести им, а разве только затворить двери России, подобно тому, как затворились они пред католиками.

<...> В XVI в. неизвестные протестантские деятели оказали долю своего влияния на ересь Башкина и Косаго. По выражению Курбского, это было «отродье ересей люторских», на самом же деле — дальнейшее развитие прежних рационалистических домашних лжеучений, лишь отчасти поддержанное протестантством.

<...> Среди приближенных к Грозному протестантов находились лица, хорошо знакомые с своим вероучением. С ними государь часто беседовал о западных вероисповеданиях, но о двоих из них, Эберфельде и Бомелие, современники утверждали, что они намеренно и настойчиво склоняли Иоанна к протестантству*. Довольно вероятно предположение о некотором участии их влияния в том, что Грозный не позволял католикам построение костела. Религиозные беседы с протестантами, быть может, помогли тому, что Иоанн мог успешно полемизировать с Поссевином; но с другой стороны, из них же Грозный узнал сущность протестантского учения, и это вовсе не послужило на пользу протестантской пропаганде. Посредством чтения обличительных слов Максима Грека, выслушивания насмешек над лютеранством обратившегося в православие Каспара и другими способами, Иоанн дошел до понимания слабых сторон протестантства и потому с такою уверенностью в своей непобедимости вступил в торжественное состязание, когда из-за границы произведена была вторая попытка к его обращению.

<...> Миссия явилась в 1570 г. в посольстве Польского короля Сигизмунда-Августа. Кроме официального поручения о дружественных отношениях между Россией и Польшей, некоторые члены посольства получили от своих собратьев по вере тайные наказы позаботиться о сближении с Русскою церковью и попытаться склонить в лютеранство самого царя. С состоявшим в посольстве пастором Богемских братьев, Иоанном Рокитой, который хорошо владел славянским языком, у Грозного, по окон-

* Псковск. летоп. г. 7078. С. 318; Карамзин, IX, гл. VII; Oderborn, Ioannis Basilidis Vita, 257.

чании политических переговоров, действительно завязались пространные религиозные прения. Беседа происходила в царских палатах, в присутствии посольства, бояр и духовенства; царь сидел на троне, Рокита — на убранном коврами возвышении. «Вы, — начал свою речь Грозный, — привыкли хвалиться своею евангелическою верою: но на деле между вами постоянно происходят шумные разделения, и вы своими новыми догматами ниспровергли почти всю Европу, так что нельзя было бы тому и верить, если бы до нас не доходили, к великому изумлению, почти ежедневные о том вести». И перечислив заблуждения протестантских общин, царь сказал своему противнику, чтоб отвечал смело и без опасений. Рокита отозвался на все высказанные царем положения. Как ни пространна и по местам ни дерзка была его речь, царь выслушал ее внимательно, не прерывая, и потом обещался представить письменное ее опровержение. Из устной полемика обратилась в литературную. Иван Васильевич написал опровержение, в 14 главах, где подробнее развил высказанные им прежде мысли.

<...> Рядом с широковежательностью, частыми отступлениями, повторениями, резкостью тона, Грозный обнаружил удивительный запас сведений и необыкновенную ревность к православию. Им затронута большая часть существенных особенностей протестантства — учение об оправдании, молитвах святым, иконопочитании, иерархии, постах, монашеской жизни, достоинстве Лютера и т. п.; остались нетронутыми вопросы об исхождении Св. Духа, о предопределении, каноне св. книг; не ясно поставлен вопрос о таинствах, их числе, значении и проч. О родоначальнике протестантства и о всех его последователях Грозный с точки зрения религиозной отозвался чрезвычайно строго. Лютер по своей жизни и по имени человек лютый, свирепый. Ополчившись на Христа, он ниспроверг Его установления, извратил учение Писания, апостолов и св. отцов, толкуя все по своему испорченному разуму; не имея законного права учить, он, как сатана, обольщал всех своим лжеучением и гораздо хуже папы; его последователи недостойны называться христианами: потому, что следуют учению не Христа, а Лютера. «О, вы, — обращается к ним Грозный, — погибшие, которые, по своей прихоти, низвращаете Писание! Оставив законных пастырей, учителей и самих апостолов, вы ниспровергаете заповедь Христа и вновь распинаете Его в вас самих... Вы антихристы: потому что антихрист тот, кто

восстает против Христа». Вообще, во всей полемике Грозного проглядывает мысль, что в протестантстве следует видеть незаконное уклонение от церкви, в его пастырях — самовольных похитителей учительского права, в последователях — людей, не понимающих религиозной истины; распространение такого лжеучения среди православных было бы нарушением божеских и человеческих законов. <...>

Приговор, произнесенный Московским государем, был роковым и выражал мнение общее. Не все одинаково могли доказывать, но не было тогда большой разности во взглядах толпы, правительства и ученых. Православие побеждало не научным превосходством, а живым, непоколебимым чувством истины, которым так сильны были наши предки. <...>

[Во времена Смуты] Религиозное чувство православных было до чрезвычайности возмущено и возбуждено... Русские восстали и боролись за свою национальность, за права своей веры, за права попираемого православия, которое и спасает национальность, но вместе еще больше прежнего отстраняет от иноверцев. Под влиянием религиозного возбуждения злодеяния иноверцев представились крайне безбожными, и все другие вероисповедания еще худшими, чем прежде. Прежнее нерасположение к иноземцам перешло в ненависть, иноверец из нечистого стал поганым. Правда, в эту немилость попали по преимуществу католики, как главные виновники бедствий, тем не менее в общественном мнении сильно упали и протестанты. «Поганый» к слову «Лютор» (лютеранин) прилагается как эпитет, чуть не синоним, и содружество с лютеранами и кальвинами в глазах лучших людей того времени казалось достойным посмеяния всех языков.

<...> Лютеранская пропаганда приняла такие размеры, что вынудила московское правительство издать (1624 г. 23-го августа) новгородским воеводам наказ, чтоб они тех, которые приедут из-за рубежа и начнут бить челом о допущении помолиться в соборной церкви Софии и новгородским чудотворцам, гораздо разведывали, не пошатнулись ли эти в православной вере, твердых пускать на посадские церкви, но не в Софийскую, пошатнувшихся и приставших к лютеранской вере не пускать и в посадские церкви. Что же касается до самых природных лютеран, бывающих в Новгороде, то их, «некрещенных немцев», в православную церковь отнюдь не пускать, «о том бы есте дьяч-

ком (воеводы) приказывали накрепко». Вместе с этим немцы лишились доступа в центр города.

<...> Если догадка справедлива, то здесь нам представляется весьма любопытное явление. Отпор протестантской пропаганде, нанесенный Грозным, близко совпал с соборным осуждением ересей Башкина и Косаго. Явная пропаганда стала невозможна, оставался путь скрытый. Мы уже знаем, какого рода подпольный путь избрало тогда протестантство. Здесь оно, по-видимому, встретилось с русским еретическим движением, так как и прежде оно несколько соприкасалось к нему. Тот факт, что, по свидетельству уже приведенных нами правительственных распоряжений, русские люди, переставшие соблюдать посты, исповедываться и т. д., жили у «немцев», и жили в иных случаях добровольно, — многозначителен. При общем нерасположении, а пожалуй и презрении к иноверцам людей консервативного направления, идти к ним на добровольную службу им было крайне затруднительно. Решиться на подобный шаг легче было людям прежних религиозно-рационалистических понятий или, по крайней мере, несколько тронутым ими. При встрече протестантство, как облеченное в оружие науки и пропагандируемое лицами, имеющими обеспеченное общественное положение, получает перевес над русским рационализмом, обнаруживает на него свое влияние и сообщает ему новый характер, уничтожив признаки, напоминавшие о жидовстве как первоначальной точке отправления русского вольномыслия. Новые вольнодумцы не составили какого-нибудь общества, потребовавшего созвания особого собора, в общей массе православных были почти не заметны, и о существовании их мы знаем не из соборных определений, а из разных частью официальных, частью неофициальных мимоходных известий. По этим данным, они относились с безусловным уважением к одному Священному Писанию, иерархию порицали, пренебрегали храмами, иконопочитанием, исповедью, причащением, постами. Между вольнодумствующими упоминаются не один крестьяне и прислуга, но купец, и князь: знак, что протестанты не опускали из виду и лиц других сословий, кроме крестьянского, тем более что и в числе еретиков XVI в. были лица различных сословий.

<...> Сознание нужды в иностранцах, как в более образованных людях, и служило существенною основой всех тех благ, какими, несмотря на ограничения и частые колебания, пользова-

лись протестанты в государственном и религиозном отношении: без того им ничего бы не добиться. Все зависело от политико-экономических потребностей государства, от стремления правительства воспользоваться знанием и содействием иностранцев, стремления, правда, пока еще довольно нерешительного, невыясненного и неустойчивого, а потому не сообщившего прочной устойчивости и положению протестантства. Юридические основания для религиозной свободы и гражданских прав протестантов были чужды сознанию. Протестантство только терпелось, как необходимость, вынуждаемая и оплачиваемая выгодами, какие приносили исповедующие его материальному благосостоянию и культурным успехам Русского государства. Мысль о свободе личности в делах веры тогда мерцала еще очень слабо, прямое признание за протестантами религиозной свободы тогда показалось бы уравниванием господствующего православия с «злочиствием». И если в нашем законодательстве много говорится о материальной и личной безопасности принимаемых и призываемых протестантов, то оно обыкновенно преупорно отклоняло вопрос о их религиозной свободе или, в крайнем случае, ограничивалось обещаниями, вроде тех, что «во всем им будет по-прежнему», «во всем будет вольность без всякого задержания», и не мешая им лично держаться своих религиозных убеждений, ограничивало свободу общественного богослужения, приказывая сносить кирки в укромные места, подальше от глав русских, угрожая, за соращение их православия, казнить смертью.

С точки зрения благочестиво-домовитого москвича протестант, как иноверец и иноземец, был человек чужой, нечистый, нехристь, поганый, существо низшее, богопротивное, недостойное дружеского отношения; лица раскольников инстинктивно питали к ним вражду, которую они не только не скрывали, но и осуждали всякое общение с ними. «Ох, бедная Русь! — зывали первые расколуучители Аввакум и Феодор, — чего-то тебе захотелось латинских обычаев и немецких поступков?.. О прелесте! понеже еси пестра: скверные поляки, немцы и прочие безбожные языки яко благодеи приемлются и честию велию почитаются... сплелись западные с восточными!» Для иерархии, как прямой представительницы и защитницы господствующей веры, протестанты казались врагами целостности православия или же нивой, на которую должно пасть слово Божие, будущими чадами Православной церкви. Правительству не была чужда мысль, что

государство, как общество людей, стремящихся путем гражданского общежития и объединения достигнуть лучшего благосостояния, не может замкнуться в среде одной национальности и веры и должно, по мере надобности, принимать в свою среду лиц различных национальностей и вер.

<...> Нетрудно было догадаться протестантам, кто их враги, кто доброжелатели и в чем и где нужно искать себе опоры. Не на религиозной пропаганде они должны были основывать прочность своего положения; она скорее могла повредить им, потому что увлеченные ею сравнительно с массой населения составляли ничтожное меньшинство, и бессильные что-нибудь сделать в пользу своих учителей, служили поводом, что остальные православные предубежденнее прежнего начинали относиться к соблазнительям: старания протестантов должны были направиться на приобретение связей в правительственных сферах, на то, чтобы, показывая, так сказать, товар лицом, все крепче и крепче вселять там мысль о своей полезности и незаменимости при намечавшихся преобразованиях, о важности их содействия благосостоянию и культурным успехам страны.

<ПОЛОЖЕНИЕ ПРОТЕСТАНТОВ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVI–XVII ВЕКОВ>

Протестантство, в своем первоначальном движении, пределы которого тогда трудно было угадать, скоро переступило границу, отделявшую Московское государство от Западной Европы. Успехи на Западе и недостаточное знание России породили в некоторых его западных адептах неумеренные мечты относительно приобретений в Москве. Является мысль о возможности основания здесь протестантских общин не из одних иноземцев протестантов, но и из природных москвитян, о сохранении личной веры и приобретении свободы богослужения для тех, кто из протестантов явился и явится в Россию, и об обращении в протестантство православно-русских. С такой целью еще в 1552 г. присылается к нам «типографщик» Ганс Миссенгейм от датского короля Христиана III.

Заявив о своей ревности к распространению славы Сына Божия в своем и чужих государствах, Христиан извещал царя Ивана Васильевича: «Мы осмелились склонять к тому же самому и тебя, возлюбленный брат. Потому посылаем к тебе искренно нами лю-

бимого слугу и подданного нашего Ганса Миссенгейма с Библией и другими книгами (вероятно, с Аугсбургским исповеданием и катехизисом Лютера), в которых содержится сущность нашей христианской веры. Если приняты и одобрены будут тобою, митрополитом, патриархами, епископами и прочим духовенством это наше предложение и две книги вместе с Библией, то оный слуга наш напечатает в нескольких тысячах экземпляров означенные сочинения, переведя на отечественный ваш язык, так что таким способом можно будет в немногие годы споспешествовать пользе ваших церквей и прочих подданных, ревнующих славе Христовой и спасению своему». Излишне и упоминать, что Иван Васильевич не воспользовался советом Христиана*. <...>

Не о распространении и приобретении себе последователей среди русских должны были думать протестанты, а о том только, чтобы попавшие в Россию и жившие в ней пользовались неприкосновенностью вероисповедания. Стеснять их личной свободы Грозный и не желал; но весьма возможно, что неуместные пропагандические попытки Миссенгейма и Рокиты побудили Ивана Васильевича отсрочить дозволение протестантам свободы общественного богослужения. Разрешение построить кирку он выдал не ранее, как, по-видимому, убедился, что от нее не произойдет особенного вреда, что она будет служить на потребу одним природным протестантам и не превратится в оплот и оружие пропаганды. До тех же пор протестанты должны были довольствоваться домашним богослужением, совершаемым тем или иным пастором, попадавшим в Московское государство в качестве пленного или члена при посольстве.

Пленные, по преимуществу из Ливонии и Швеции, послужили самым прочным материалом в деле организации в Москве первой лютеранской общины и едва ли не главным орудием устройства при ней церкви. На них Грозный посмотрел как на контингент, из которого можно набрать тех «знатцев», достать которых он первоначально надеялся путем приглашений и найма, но в чем так упорно воспрепятствовали ему западные соседи. В войне с Швецией он прямо издал строгий приказ не продавать пленных и тех, кто из них знает какое-нибудь искусство или ремесло, до-

* Проф. Снегирев. О сношениях датского короля Христиана III с Иоанном Васильевичем касательно заведения типографии в Москве (Русский Исторический Сборник. 1840. Т. IV. Кн. I. С. 117–131).

ставлять к нему. Воюя с Ливонией, наши точно вычерпывали оттуда местный немецкий элемент. Полон отводился внутрь России громадными партиями, иногда по тысячам, причем переводили по преимуществу молодых...

<...> Чаще, чем в Астрахани, слышалось протестантское богослужение на противоположной окраине государства, в Новых Холмогорах или Архангельске. Хотя, в силу частой перемены в численности и составе иноземного элемента, почти исключительно торгового, не завелось еще и здесь постоянного духовенства, но оно бывало здесь довольно часто, или сопровождая западные посольства, или при проезде в Москву по нарочному туда приглашению. Мы уже знаем, как прозимовал (1620 г.) в этой местности английский пастор Ричард Джемс; призванный из Голландии в Москву, Кравиппель, по просьбе архангельской общины, задержался (1649 г.) у нее около полугода. Есть известие*, что в отдаленном Устюге еще в 1618 г. у англичан и голландцев были свои пасторы около Ивановского монастыря, в Лугу, вследствие чего то место называлось потом Немчиновым ручьем.

Веротерпимость особенно имела случай проявляться, когда определялись права протестантов завоевываемых нами северо-западных областей. Сдавшимся жителям Дерпта было объявлено (в июле 1558 г.): «граждане дерптские остаются при своей религии Аугсбургского исповедания без всяких перемен и не будут принуждаемы отступить от нее; церкви их со всеми принадлежностями остаются как были, равно как и школы их»; в условиях (1570 г.) с Магнусом сохранение Аугсбургского вероисповедания обещано для всей Ливонии. Подобные факты тем важнее, что Запад переживал тогда самые ожесточенные религиозные войны, с их спутниками: огульным сожжением протестантских книг и храмов, Варфоломеевской ночью и аутодафе.

Там, где было достаточное количество протестантов, чтобы образовать отдельную общину, и где жили они постоянно, у нас вообще не стесняли их в отправлении общественного богослужения, позволяя им иметь церкви и духовенство. Нельзя было добиться разрешения построить себе кирку только тем протестантам, которые проживали в России в разброску, небольшими группами, или временно, каковы иноземные купцы и тому по-

* Из Летописи гор. Устюга Великого (Северный Архив, 1822. II. 408–409).

добные люди, хотя и таковые не были стеснены в личном вероисповедании, домашнем богослужении и пользовании кирками, уже существовавшими.

В этом отношении Московское правительство нашло себя вынужденным поступить совершенно обратно практике Новгорода. Между тем как в Новгороде, в пору его политической самостоятельности и обширности внешней торговли, католический храм на Немецком дворе был дозволен для временно, обыкновенно не более по полугоду, проживавших там ганзейских купцов, Москва, все тянувшая на службу государству и старавшаяся заменить католиков протестантами, в свободе богослужения отдала предпочтение протестантам служилым и прикрепившимся к Русской земле. Какие приемы ни употребляли западные правительства, чтобы добиться разрешения для наезжавших к нам на время купцов строить свои кирки, постоянно получался ответ: купцы вольны отправлять службу своей веры у себя на дому, но особых церквей строить не могут. Такой ответ слышали Англия, Ганзейский союз, Голландские Штаты, Швеция, Дания и Голштиния. Настроенные купцами, разбредшимися по различным пунктам государства, такие кирки легко могли послужить не столько к удовлетворению действительных религиозных нужд протестантов, которые там были немногочисленны и некрепки, сколько превратиться в оплот и орудие пропаганды, что было бы ничем не оправдываемым нарушением непоколебимости прав господствующей Православной церкви. Допускаемое на практике, в жизни, протестантство в смысле юридическом было только терпимо. Отсюда — не только отклонение устанавливать договоры с западными государствами относительно свободы купцам строить церкви, но и полная осторожность в форме дарования религиозной свободы служилым и осевшим в России протестантам. Строители кирок ни разу не получали заявления правительства, что протестанты имели право на построение церквей, напротив, каждое правительственное разрешение на постройку кирки принимало вид особой, временной и частной милости, отнюдь не обязательной для правительства ни в иных местах, ни в другое время, ни для иных лиц.

Это, однако, не мешало правительству, в случаях, от которых не опасалось пропаганды, свою веротерпимость к служилым иноземцам простираť до того, что оно нанимало им или жаловало их пасторов. В те же самые годы, когда не дозволялось нанимать

в солдаты католиков и строго запрещалось привозить католическое духовенство, при наемных иноземных полках, приведенных (1632 г.) под Смоленск, находилось два «попа», получавшие от правительства по 30 цесарских ефимков в месяц.

<...> Со второй половины XVI столетия протестанты пользовались в Московском государстве не только неприкосновенностью личного вероисповедания, но, в известных границах, и беспрепятственностью общественного богослужения как в своих домах, так и кирках. Этот факт почти единогласно засвидетельствован тогдашними иностранными писателями — протестантскими с нескрываемым удовольствием, католическими с завистью и досадой. В своих путевых заметках и отдельных сочинениях о России последние* постоянно передавали, что в то время как лютеране и кальвины имели свое духовенство и даже кирки, католики не пользовались ни тем ни другим — почти вплоть до конца XVII в. История свободы католического вероисповедания, действительно, носила тогда у нас иной характер.

ЛИТЕРАТУРНАЯ БОРЬБА С ПРОТЕСТАНТСТВОМ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

<...>

И как ни много было в жизни отступлений от требований христианской нравственности, христианство представлялось нашим предкам не в виде какой-нибудь отвлеченной системы, но как сила деятельная, и по преимуществу в сфере неразрывно связанной с церковностью.

Встречая такой строй жизни, западноевропейские пришлецы испытывали различное впечатление. Католики находили здесь много сходного со своею жизнью, и хотя старались обрисовать русскую обрядность в более темном цвете за то, что русские не хотели слышать об обрядах католических, все же между католиками были лица, которые не могли не отдать должного уважения православным москвитянам. В своем описании русских постов Фарбер прямо выразил убеждение, что деятельною стороной религиозности русские далеко оставляют позади себя его единоверцев. Итак, заключает он, «помолимся прилежно

* Horsay, Possevino, Oderborn, Margeret, Massa, Petrejus, Olearius, Rinhuber, Brand, Tanner, Schleussing и др.

Богу, чтоб Он положил конец этой фараоновской гордости нашего сердца и ниспослал нам благодать чтобы мы научились добрым плодам у тех кого мы называем дикарями».

Со своей стороны и протестанты не могли не признать и не могли не удивляться силе религиозного убеждения наших предков. «Измучьте сто русских, умертвите тысячу, — сказал пастор Гербиний, — и из них едва ли один отпадет от веры отцов своих». Но им, конечно, не могла нравиться привязанность ко внешней стороне религии, к обрядности. Она, прежде всего, препятствовала близким сношениям их с русскими, держала их от местного населения в известном отдалении. Даже такой, по-видимому, незначительный благочестивый обычай, что при входе в дом надобно было сначала помолиться пред образами, а потом заводить речь с хозяином, ставил уже в тупик протестантов не признававших иконопочитания, и сразу делал каждого из них чуждым, нежеланным гостем. Перри горько жалуется что русские обзывали протестантов собаками за употребление скоромного в постные дни. Наблюдая их образ жизни, русские видели, что они живут не по православному, не по «христианскому»; у них недостает освящающей жизнь церковной обрядности, да и существующие обряды совершаются иначе, чем у православных, а потому неправильны. Без правильного обряда, рассуждали русские люди, не может быть и таинства, и у протестантов, следовательно, нет ни крещения, ни евхаристии, ни преемственной иерархии и т. д. Не исполняя уставов церкви, они-де не имеют деятельной веры; отвергая Предание, правила вселенских соборов и учителей Церкви, не понимают Священного Писания, не знают истинной веры, самовольно ходят по влечению своих прихотей. Что же они за христиане? Они не достойны этого названия, они сущие «не-христи».

Так от вопроса о внешней стороне религии протестантов простодушное чувство русских вело к заключению и о внутренней стороне веры, к ее основным пунктам. Были, конечно, между русскими лица знакомые с системой данного вероучения не хуже самих лютеран и кальвинистов, как, например, царь Иван Васильевич Грозный, знавший его из неоднократных и продолжительных бесед с протестантами об их вероисповедании, или священник Московского Успенского собора Иван Наседка, изучивший Катехизис Лютера и сложную противопротестантскую полемическую литературу. Эти лица судили о несостоятельности

протестантства с точки зрения не одной обрядности: Грозный затрагивал и отвлеченные исходные пункты протестантского вероучения, доказывая их односторонность; но для массы, с которой всего чаще приходилось вступать протестантам в те или другие сношения, вопрос о внешности в религии имел ближайшее значение. Отсюда-то, несвойственное простому наблюдателю, раздражение протестантов против обрядности в Православно-русской церкви, старание их уронить ее в глазах русских и тем поднять цену своего вероисповедания и свою собственную. Не ограничиваясь ироническими суждениями о формах церковно-религиозной жизни наших предков, они осмеливались, за иконопочитание, самую религию их называть идолопоклоннической. Помимо ближайших практических целей протестантов, здесь, разумеется, много значило коренное различие между вероисповеданиями, православием, которое, при соответствии духовно-телесной природе человека, помогает постигать таинственное чрез видимое и признает спасение в одной Церкви, и протестантством, этим сухим религиозным рационализмом, произвольно ищущим спасения в личности. Смысла и достоинства деятельной и внешней стороны в религии, подчинения церковным преданиям и уставам протестанты не могли понять и верно оценить. Но они обыкновенно и уклонялись от обсуждения вопроса с принципиальной точки зрения, умалчивали об основных отличиях в догматах; даже не ставили прямо вопроса вообще о значении и происхождении видимого в религии: их возражения, касаясь тех или иных особенностей, по преимуществу внешней стороны веры, вращались около частных вопросов.

Возражения немедленно вызывали ответы со стороны русских. Соответственно нападениям и возражениям, защита трактует о тех же предметах и о тех же сторонах в них. Нет ни одного, можно сказать, русского богословско-полюемического трактата, в котором не защищалось бы иконопочитание, столь дорогое во вседневной жизни русского человека и потому более всего досаждавшее протестантам и оспариваемое ими; затем идут вопросы о посте, монашестве, почитании святых, праздниках, поминовении умерших, местах молитвы, летосчислении, рассматриваются и таинства, но не столько по существу, сколько с обрядовой их стороны; раз, в беседе с пастором Рокитой, Грозный поднял спор до обсуждения некоторых из основных пунктов протестантской догмы, много говорил и об исходном ее пункте,

вопросе об оправдании, однако не выделив этого вопроса из ряда других, не придавая ему преимущественного значения. Между тем, если бы разбору данного пункта было отведено должное внимание, то не понадобились бы подробные опровержения каждого частного вопроса: тогда весьма часто, вместо того чтобы приводить массу текстов и других доказательств, достаточно было бы указать отражение этого одностороннего положения на другие догматы или возражения, благодаря чему обнаружилось бы несоответствие их духу учения, изложенного в Священном Писании и Предании; большие полемические сочинения, трактовавшие о нескольких предметах, получили бы более вид внутренней системы. Впрочем, сами протестанты главным пунктом признавали учение о Священном Писании как единственном источнике веры, и значение пункта об оправдании начали понимать сравнительно недавно; наша же богословская полемика редко переходила в наступление; она старалась лишь обессилить делаемые нападения, найти доводы против возражений, которые чаще всего слышались или можно было слышать со стороны протестантов.

Вести прения, однако, не было любимым занятием наших предков. Высоту и истинность своих верований они считали вне споров, ясными до очевидности; в религии руководствовались живым непосредственным чувством; словопрения и философствование, по их мнению, легко приводили бы к ненужному различию мнений, возбуждали бы сомнения и внушали бы суетную гордость, разрушающую простоту христианской веры; беседа о вере веденная без определенной цели и без должной подготовки считалась делом не благочестивым и опасным, способным возбудить соблазны, сомнения. Воздерживаться от прений побуждал также низкий уровень научного умственного просвещения, когда по недостатку в школах много было малограмотных в самом духовенстве и совсем незнакомых с грамотой в среде даже высшего боярства. Заводить религиозную беседу с иноверцем можно было разве под условием, если этот изъявлял готовность принять или принимал православие. <...>

Дозволяемое в случаях надобности религиозное беседование возлагалось правительством на избранных сведущих лиц. Всем этим обуславливалось у нас ограниченное количество богословских полемических сочинений. Для таких целей в Московском государстве или создавались свои сочинения, или еще чаще пользовались уже готовыми трудами, преимущественно южно-

русскою духовною литературой, где дело полемики, благодаря сложившимся там историческим обстоятельствам, было развито значительно более. Но замечательно, что оригинальные труды предупредили переводные: вопрос о протестантстве так быстро явился, что понадобился у нас немедленный ответ на него, потребовалось сразу же определить к нему свое отношение, не дожидаясь, когда придет голос с Юго-Западной Руси. Нужное слово было произнесено еще при Грозном, когда данный вопрос впервые дал себя почувствовать.

Ряд сочинений направленных против протестантства обыкновенно начинают с творений преподобного Максима Грека. Но сколько таковых сочинений написано преподобным Максимом, да и вообще имел ли он в виду Лютера и его дальнейших последователей, этот вопрос стоит весьма непрочно. <...> Это послужило руководством для казанских издателей творений Максима, которые... приписали Максиму... пять сочинений «против лютеран». Заглавия их они обозначили... соответственно издаваемому ими тексту: «Слово о поклонении святых икон противу являшагося в Немцах иконоборца Лютера»; «Слово на хульники пречистыя Божия Матери»; «Сказание противу глаголющих, яко плотским совокуплением и рожеством хотяше множитися человеческий род, аще (бы) и не согрешили праотцы»; «Сказание о том, который убо первый грех в человеческом естестве?»; «Сказание о рукописании греховнем, данном Диаволу»*. <...>

А. Никольский** нашел, что с Лютером и его последователями преподобный Максим препирался лишь в первом и первой половине второго из названных выше сочинений; во второй же половине «Слова на хульники пречистыя Божия Матери» полемист обличал современных ему русских вольнодумцев; третье и четвертое отвечало на вопросы, занимавшие юные умы наших грамотеев; последнее слово опровергало мнение, которое так походило на «болгарские басни, альбо бабьи бредни», бывшие в таком распространении у наших простодушных предков и во множестве наполнявшие современные Максиму сборники. Не без влияния, быть может,

* Сочинения Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. Казань, 1859–1860. Т. I, предисловие издателей, с. 13.

** А. Никольский. Материалы для истории противолютеранской богословской полемики северовосточной русской церкви XVI и XVII столетий. Труды Киевск. дух. академ. 1864. I. 17–33.

данного взгляда автор специальной биографии о Максиме Греке, профессор В. С. Иконников* пошел еще далее: он и первые два слова счел направленными против домашних религиозных вольнодумцев, именно жидовствующих, хотя первое слово отнес сюда лишь гадательно, без определенной решительности. Близко к его мнению стоит взгляд преосв. Макария.

В своем обозрении оригинальных творений Максима преосвящ. Макарий так характеризует их по содержанию: «Самое видное место в ряду всех этих сочинений занимают догматико-полемические, написанные в защиту веры христианской православной против иноверцев и неправославных: иудеев, язычников, магометан, армян и латинян, а также против суеверий и апокрифов, известных тогда в России». О сочинениях, направленных против лютеран, он не упоминает здесь. При дальнейшем анализе творений Максима, о главном из указанных выше полемических противолутеранских сочинений Максима «Слове о поклонении св. икон», которое в казанском издании озаглавлено «Слово на люторы», преосв. Макарий замечает, что оно «равно могло относиться и к иудеям и к лютеранам», а мысль, избобличаемая в конце «Слова на хульники пречистыя Божия Матери», которое по началу представляет «как бы продолжение» предыдущего, названа, говорит он, самим Максимом «умышлением иудейским» и могла принадлежать только нашим иудействовавшим еретикам**. Лишь в изложении первоначальных отношений Русской церкви к лютеранским идеям почтенный автор упомянул мимоходом, что «Максим Грек († 1556) увидел нужду (как бы по поводу ереси Башкина, имевшей свое происхождение и в лютеранстве и ереси жидовствующих) написать сочинение и “на Лютора”, хотя ограничился в нем только защитой православного иконопочитания»***. Таким образом, у преосвященного Макария нет прямого утверждения, чтобы Максим писал непосредственно против лютеран.

<...> Назидать своих чуждым вероисповеданием Грозный никогда не имел в виду; его действия не могли идти далее собственных этому пытливому человеку любознательности и любви

* *Иконников В. С.* Максим Грек // Киевск. университет. известия. 1865. X. 25.

** *Преосвященный Макарий.* Максим Грек // Христианское чтение, 1873, июнь; История русской церкви. СПб., 1874. VII. 274–276.

*** *Преп. Макарий.* История русской церкви. СПб., 1877. VIII. 403.

к богословствованию и словопрениям. Отдалив от себя предстательных русских, светских и духовных, и пытаюсь наполнить образовавшуюся около него пустоту то опричниками, которых, конечно, едва ли мог уважать, то умными иностранцами, которые, однако, преследовали свои эгоистические цели и слишком были далеки от интересов России, и потому, не имея, с кем бы поговорить по душе, как в былые годы с митроп. Макарием или протоп. Сильвестром, Иоанн, естественно, думает иногда занять себя беседой хотя бы с каким-нибудь пастором. Это нимало не препятствовало ему во мнении о чуждом нам протестантстве... неизменно оставаться верным тому взгляду, который с такою ясностью и решительностью он высказал в заключение своего письменного ответа к пастору Роките: «Мне нельзя не считать тебя еретиком, потому что все твое учение неправо пред Христовым учением, и церкви Христовой во всем ты мудрствуешь противно; ты не только еретик, но и слуга антихристов дьявольского совета. Ты лишь лютеранин и есть еще хуже тебя; но и тебе впредь учения своего в нашей земле не объявлять, и о том молю Господа Бога, чтоб Он сохранил наш Российский народ от тьмы неверия вашего».

Выраженные им мысль и чувство так были живы в нем, что всецело переходили у него в дело; произнесенный им приговор был роковым и выражал мнение общее. Авторитет государя был высок не в одних делах гражданских: в лице государя русские видели живого выразителя и носителя их религиозных верований и самого нелицемерного защитника их религиозных интересов. Как случилось во времена Василия II, отвергшего католичество, вторгавшееся было в лице униата митрополита Исидора, и народ признал в этом свое собственное решение; точно так же и теперь, во времена Грозного. Не все одинаково могли доказывать, но не было тогда большой разности во взглядах массы, правительства и ученых. Царь стоял лишь впереди, за ним и с ним стояли его подданные. Вместе с ним они одинаково твердо были убеждены, что протестантам не оправдать своего учения, не соратить православных и что допущение распространять его у нас было бы делом крайней несправедливости, прямым нарушением всех божеских и человеческих законов.

<...> Испытав на деле, что значит вести с русскими полемику, протестанты надолго оставляют ее, и новых сочинений против протестантства не встречается вплоть до времен Михаила Феодоровича, когда действия протестантской пропаганды, как и при Грозном,

снова привлекли внимание православных и побудили лучших знатоков дела взяться за перо. На первых порах Великороссам, после только что вынесенного государственного разгрома и при низком уровне образования, создать самостоятельные полемические сочинения было не под силу. Группа лиц, хоть сколько-нибудь подготовленных, была привлечена правительством к делу исправления и печатания богослужебных книг, в котором чувствовалась самая неотложная потребность и которое, хотя с грехом пополам, двигалось быстрее другого книжного дела. Практичнее и естественнее всего было или ограничиться пока перепиской и собиранием прежних русских и переведенных греческих и латинских сочинений, большая часть коих, если и не направлялась непосредственно против протестантизма, но по своему содержанию легко могла быть употреблена в качестве удобного оружия для борьбы с некоторыми из пунктов протестантского учения, или брать и переводить сочинения южно-русских православных полемистов, у коих противопротестантская полемическая литература была развита более чем в Великороссии. Собственно, из московских сочинений пользовались теперь словом Максима Грека «О поклонении святых икон», которому вполне усваивается назначение против лютеранства; *Ответом* Грозного Роките и беседами об иконопочитании заключающимися в сочинении инока Зиновия *Истины показание*, направленными против лжеучения Феодосия Косого; из греческих и латинских авторов пользовались предпочтением те, кто писал о почитании святых икон: константинопольский патриарх Герман, царь Константин Порфирогенит, Иоанн Дамаскин, современник императору Льву Исаврянину римский папа Григорий и др. Южнорусская полемическая литература привилась к нам в сочинениях Василия Острожского, Стефана Зизания, Захарии Копыстенского, Нафанаила и др. Знакомясь с данными произведениями и вырабатывая на них литературные приемы, московские ревнители или брали их в целом виде, или сводили в сборники, как бы в цельные системы, куда вносили главы и собственного сочинения. Нет нужды, что эти труды выходили в большинстве не самостоятельными: тогда у нас держались взгляда, что в делах веры «велие безумие есть оставити глаголы готовы и глаголати своя»*, даже, как увидим, авторы намеренно не означали своего

* «Книга о вере», рукоп. Моск. Румянцевского Музея, из собрания Ундольского, № 427. Л. 8 об.

имени, стараясь прикрыться чужим, заведомо авторитетным. Заслуга и искусство составителей сказывались в умении выбирать пригодное и вселяющее убедительность в сознание современников. Часть этой литературы послужила затем материалом для наших полемистов в известном деле Вальдемара.

Хотя южно-русская полемика составлялась по преимуществу против католиков, как главных врагов православия, и с протестантами, в интересах общей обороны, православные не заключали политические союзы; обстоятельства, однако, требовали разъяснить православным разность их верования от протестантского и тем предохранить их от бессознательных или сознательных увлечений.

